

УДК 930.85:82-1 (История цивилизации. История культуры. Поэзия. Стихи, оды, поэмы, баллады и т.д.)

ПОЭТ – ПРОРОК И ГРАЖДАНИН: НОВОГОДНИЕ СТИХИ В.Г. БЕНЕДИКТОВА

© 2019 А.В. Петров, К.Н. Савельев, В.В. Цуркан

*Петров Алексей Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры
языкознания и литературоведения. E-mail: alexpetrov72@mail.ru*

*Савельев Константин Николаевич, доктор филологических наук, профессор кафедры
языкознания и литературоведения. E-mail: savakos@mail.ru*

*Цуркан Вероника Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры
языкознания и литературоведения. E-mail: veravts2013@yandex.ru*

Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова.
Магнитогорск, Россия

Статья поступила в редакцию 16.01.2019

В статье рассматривается поэтика и идейное содержание четырех новогодних (эонических) стихотворений, написанных в конце 1850-х гг. В.Г. Бенедиктовым. Во второй половине 1830-х гг. он привлек к себе внимание смелыми стилистическими экспериментами, однако в начале 1840-х гг., после критических высказываний В.Г. Белинского, утратил популярность и был забыт. В период Крымской войны и кануна отмены крепостного права Бенедиктов явился перед читателем в новом (и до сих пор не изученном в литературоведении) облике – поэта-гражданина и автора религиозных стихотворений. В качестве одной из жанровых форм для выражения гражданских и религиозных чувств поэтом была избрана форма новогодних стихов, на тот момент уже достаточно архаичная для русской поэзии. Считающийся выразителем «вульгарного романтизма», Бенедиктов проявил себя в этих стихах гражданином и патриотом, искренне, глубоко и как-то очень лично заинтересованным в освобождении народа и в движении страны по пути прогресса. Непоказная, но чуждая фанатизма религиозность; просветительские идеалы; монархизм – такими предстают в «новогоднем цикле» константы общественного сознания рядового русского литератора. В определенном смысле Бенедиктов оказывается здесь «летописцем» настроений русского просвещенного общества в переходный период 1856 – 1860-го гг., последовательно выступая от лица обобщенного «мы». В первой части цикла («На Новый 1857-й»), отчетливо агитационной, поэт рисует ситуацию «оттепели» и исчерпывающе, а точнее, «избыточно», в свойственной ему стилистической манере, описывает мифологический архетип борьбы света с тьмой. Во втором стихотворении («Привет старому 1858-му г<оду>»), напечатанном с цензурными искажениями, содержится новогодняя молитва за «Человека», в образе которого объединены черты Христа и императора Александра II. Третья часть («На новый 1859 год») представляет собой новогодний псалом. Выбор этого жанра, с которого в 1700-е гг. началась русская эоническая поэзия, был продиктован, по-видимому, задачами духовного объединения «верующих» (в отмену крепостного права) и обретения личных душевных сил. Заключает цикл философская новогодняя элегия «На 1861». В ней отразилась своеобразная «философия времени» и утопические чаяния поэта. Своего рода «кодой» в «новогоднем метатексте» становится «стихотворение на случай» «Великое дело», в котором Бенедиктов приветствует Царя-Освободителя и народ, смиренно принимающий дарованную ему милость – свободу.

Ключевые слова: В.Г. Бенедиктов, новогодние (эонические) стихи, гражданская поэзия, жанр псалма, историческая поэтика, метатекст.

18 февраля (по ст. ст.) 1855 г. неожиданно скончался император Николай I. Через год, 18 марта 1856 г. в Париже был подписан мирный договор: Крымская война завершилась с территориальными потерями для России; международный авторитет страны был подорван. 26 августа этого же, 1856 г. был коронован император Александр II. В России началось предреформенное пятилетие.

Одним из «летописцев» настроений русского общества в этот переходный период – с 1856 по 1860 г. – стал Владимир Григорьевич Бенедиктов (1807 – 1873), поэт, в конце 1830-х гг. затмивший

славу А.С. Пушкина, но уже в начале 1840-х гг. развенчанный В.Г. Белинским. Теперь он предстал перед основательно подзабытыми его читателями в новом облике – поэта-гражданина [см.: 1, с. 169 – 170]. Для выражения своей гражданской позиции Бенедиктов избрал, в частности, жанровую форму новогодних, или эонических¹, стихов [см. о них: 2; 3; 4; 5]. Конечно,

¹ От греческого αἰών («эион») – «век, вечность». Так В.К. Третьяковский в 1752 г. определил стихи «на новый год / век».

«летописью» эти четыре стихотворения – «На Новый 1857-й», «Привет старому 1858-му году», «На новый 1859 год», «На 1861» – мы именуем условно, метафорически: «погодные записи» Бенедиктова регистрируют не столько внешние факты – события политической жизни страны в период подготовки реформ, сколько *восприятие* их писателем. При этом в его историческом сознании сосуществуют как либеральные, так и консервативные представления: 1) *монархизм*, причем в форме «официально-народной» веры в «батюшку-царя»; 2) *просветительские идеологемы*, среди которых – вера в прогресс разума и в просвещенного государя; 3) непоказная, но чуждая фанатизма *религиозность*. Гипотетически мы можем предположить, что содержание исторического сознания Бенедиктова является репрезентативным для немалого числа представителей русской творческой интеллигенции тех лет.

По прошествии времени четыре названных стихотворения воспринимаются как «новогодний цикл», т.е. как метатекст. В целом его пафос может быть охарактеризован как умеренно оптимистичный: на веру автора в прогресс и в свет разума иногда падает тень сомнений в способности людей совершенствоваться, преодолевать суеверия и предрассудки.

Стихи написаны Бенедиктовым разными стихотворными размерами, однако утверждать, что между семантикой размера и содержанием произведения есть какая-то очевидная связь, можно только по отношению к первой части цикла. Самая оптимистическая (о прошедшем 1856 году и предстоящем 1857-м), она написана «говорным» 3-стопным хореем, передающим непринужденно-разговорные интонации повествующего «мы». Высказанные в ней идеи развиваются в следующей части – о 1858 году (размер – 3-стопный амфибрахий – после Жуковского и Лермонтова закрепился за жанром баллады; через несколько лет его прославил Н.А. Некрасов в поэме «Мороз, Красный нос»). Третья часть – о 1859-м – построена на реминисценциях псалмов; для передачи ее проникновенных, молитвенных интонаций поэт обратился к 4-стопному ямбу. Драматико-эпический 5-стопный ямб с многочисленными переносами использован в заключительной части («На 1861»), рисующей полного надежд и ожиданий человека, который устал надеяться и ожидать.

Стихотворение «На Новый 1857-й» (1856 – 1857) [6, с. 437 – 440] описывает ситуацию «оттепели», если воспользоваться словом с тем особым

смыслом, который будет вложен в него через сто лет. У Бенедиктова появляется даже слово-образ «гласность» в близком к современному значении: «Но друзья ль тут Руси / С гласностью в борьбе?». Первая треть произведения (строфы 1 – 14) пронизана историческим оптимизмом, который, как известно, мало чем отличается от утопизма. Надежды автора, выступающего от лица коллективного «мы», т.е. сторонников преобразований, вызваны добрыми начинаниями прошлого года:

Мы и то уважим,
Что он был не дик,
И спасибо скажем, –
Добрый был старик.

В 1856 году не было «лютых войн», «в нем был коронован / Царь земли родной», были амнистированы декабристы. Перечислив конкретные «заслуги» года, Бенедиктов обращается к более абстрактным политическим метафорам, связанным с представлением об ускоряющемся времени («Кипятится время, / Что дремало встарь»). Общий смысл их в том, что общество начало движение вперед, что возврата к старому многие уже не хотят, что в общественном сознании возникли новые вопросы, на которые требуются ответы.

В качестве примет эпохи Бенедиктов выделил не только темп времени, но и резкую поляризацию общества ввиду предстоящих реформ. Обостренное гражданское чувство поэта по-будило его прибегнуть к формам и методам агитационной поэзии. Среди них: говорная интонация, диалогичность, маршевый ритм, реализация пословиц и метафор, ирония. Известен отзыв Н.А. Добролюбова об этом стихотворении, акцентирующий как раз соотношение художественности и публицистичности в нём: «Тут поэзии нет и следа... но мысли превосходны. Кто бы и как бы их ни высказывал в России в настоящее время – всякий заслуживает привета и благодарности» [6, с. 749].

Как и полагается агитационным стихам, у Бенедиктова четко расставлены аксиологические акценты, прописана система ценностей. Она полярная, и в основу ее описания положен мифологический архетип *борьбы света с тьмой*. Его наполнение у поэта – самое причудливое, и в этом Бенедиктов остался верен своим идейно-стилистическим принципам, выработанным в 1830-е гг. [см.: 7; 8]. Вполне эклектически он объединяет здесь религиозные, политические, духовно-нравственные, социально-классовые, экономические, историко-культурные, бытовые и

прочие идеологические обертона. Можно даже сказать, что Бенедиктов создает «энциклопедию «света»». Для иллюстрации всех оттенков значений, привнесенных в архетип, потребовалось бы процитировать всё стихотворение (а в нём все-таки тридцать три четверостишия). Выпишем только три заключительные строфы; они характерны для стилевой манеры Бенедиктова тем, в частности, что в них традиционные аллегорические и эмблематические образы «вставлены» в новый актуальный контекст.

Например, говоря о шествии Руси «к свету через мглу», автор выражает веру в то,

Что венок лавровый
В стычке с этой тьмой
Принесет ей новый
Пятьдесят седьмой, –

И не одолеют
Чуждых стран мечи
Царства, где светлеют
Истины лучи, –

И разумной славы
Проблеснет заря
Нам из-под державы
Светлого царя.

Лавровый веночек, цифра 57, мечи, свет, лучи истины, слава, заря, держава – очевидно, что эмблематическое художественное видение благополучно дожило до середины XIX в. и отнюдь не было противопоказано романтизму. Жанр эпитимического стихотворения, образность которого изначально строилась на эмблемах и аллегориях [см.: 2; 4; 5], продолжал удерживать за собой это качество. Так, опознать в последней из процитированных строф топоним *восходящего солнца-царя / восшествия монарха на престол / новолетия*, разработанный в эпитимических одах 1763 г. А.П. Сумароковым, В.И. Майковым, И.Ф. Богдановичем [2, с. 110 – 114], почти невозможно. Но и через сто лет он остается в русской поэзии художественно значимым.

Развитие тех идей, которые в наглядно-агитационной форме были выражены в стихах «на 1857 год», находим во второй части цикла – в стихотворении «Привет старому 1858-му г<оду>» (1858) [6, с. 468 – 469]. И здесь старый год оценивается как «добрый» и «честный», и здесь прошлое определяет восприятие ближайшего будущего. Уходят, однако, «боевые» интонации и ключевая антитеза – *свет vs. тьма*. На первый план выдвигается другое противопоставление:

<...> Внизу начинаются люди,
И есть наверху Человек.

Ему и предназначены новогодние поздравления того «коллектива», представителем которого всё так же ощущает себя Бенедиктов. Описание этого *Человека* построено таким образом, что невозможно однозначно утверждать, о ком – о Христе или об Александре II – идет речь:

Его от души поздравляем...
Не нужно его называть.
Один он – и только, мы знаем,
Один он – душа, благодать.

Один... за него все молитвы.
Им внешняя брань перешла
В святые, крестовые битвы
С домашнею гидрою зла.

Текст стихотворения дошел до нас с цензурными искажениями, которыми Бенедиктов был крайне возмущен. Он потребовал от редакции «Сына Отечества» дать в журнале объявление о том, что стихотворение «по независимым от автора обстоятельствам напечатано вовсе не в том виде, в котором оно было доставлено в редакцию “Сына отечества”» [6, с. 754]. Поскольку доцензурный его вариант не известен, можно лишь предположить, что Человек – это все-таки Христос, «русский бог», спаситель и защитник России. Во всяком случае, такое содержание было закреплено за топонимом *завершительной новогодней молитвы* еще в начале XVIII в. и сохранялось в новогодних стихах до начала века XIX. Правда, в тех же торжественных одах, в эпитимических в том числе, обожествление монарха также было «общим местом». Почему бы Бенедиктову, любящему эксперименты с традиционными поэтическими формулами, и не объединить два топонима?

А вот в стихах «*На новый 1859 год*» [6, вклейка между с. 464 и 465], представляющих собой новогодний псалом, всё предельно ясно: *Кому* возносятся молитвы и *Кто* управляет Временем. Здесь только один Царь – небесный; только Он является распорядителем судеб людей; только от Него одного зависит распространение на Руси правды и света, движение страны вперед:

О Боже! Укрепи нас в силах!
Рассей нам сумрак дум унылых!
Да Русь достойно проведет
Ей предстоящий новый год!
На нашу новую дорогу
Луч новой милости ты брось! etc.

Опробовав до этого мобилизующий потенциал агитационно-гражданских стихов, Бенедиктов обратился к жанровой форме, возможности которой в деле духовного объединения, а также обретения душевных сил использовались тысячелетиями. Стихи «на 1859 год» отчасти дублируют стихи «на 1857 год»: поэт применяет в них другой «поэтический код» для выражения гражданских чувств и описания современных ему социальных проблем. Этот код – не язык агитационных песен, не язык публицистики и политических метафор, но язык религиозных песен. Опирается он, прежде всего, на молитвенные формулы. Частота их употребления в стихотворении сопоставима с той, что имеет место в молебном пении на Новый год. Просительные формулы созданного поэтом середины XIX в. новогоднего псалма таковы: *укрепи* («нас в силах»), *рассей* («нам сумрак»), *да проведет* (время новолетия), *брось* («луч милости»), *дай* («нам идти», «нам сознать», «силу нам»), *дай Бог, введи* («нас в свет сознанья»), *всели* («духовную в нас крепость»), *пошли* («нам мощь»), *изжени* («нелепость»). Нужно, наверно, отметить, что в молитвословиях поэта-гражданина доминируют просьбы о даровании благ, Божественной помощи и практически отсутствуют формулы, в которых просящий осознает свою греховность и неизбежность наказания за грехи. Комментарии здесь, думается нам, могут быть различными, но в данной статье необходимости в них мы не видим.

О Времени и его субъективном восприятии [см.: 9] Бенедиктов будет размышлять в последней части цикла – в стихах «*На 1861*» (дек. 1860) [6, с. 508 – 509]. В предыдущих стихотворениях проглядывал иногда мотив сомнений в быстром продвижении России по пути прогресса, в том, что время движется вперед.

Дай нам идти хоть понемногу,
Не пятась к заднему порогу, –

...просил у Бога поэт в стихах «на 1859 год». Сейчас же он вообще не уверен в том, «движется ли время». Настоящее воспринимается Бенедиктовым в «параметрах» Вечности, а в характеристике Времени подчеркивается его относительность:

<...> Движется ли время?
У нас в речах подчас неверен слог,
Толкуем мы о прошлом, преходящем
И будущем, а в целом – мир и бог
Всегда живут в одном лишь настоящем.

И нету настоящему конца,
И нет начала. Люди вздор городят
О времени, – оно для мудреца
Всегда стоит, они ж идут, проходят

Или плывут по жизненной реке
И к берегам относят то движенье,
Которое на утлом челноке
Свершают сами. Всюду – заблужденье. <...>

Надо думать, 1860-й был годом, когда страна застыла в ожидании, почти утратив веру в близость перемен. Во всяком случае об этом – первая половина рассматриваемого стихотворения. Сначала поэт описывает устарелые, на его взгляд, представления о годах как воплощенных в мемориальных артефактах людских невзгодах, смертях и суетных мыслях о вечной посмертной славе. Тема Горациева «*Exegi monumentum*» получает скептическое истолкование:

О род людской! Морщины лбов
Считает он, мытарства и невзгоды,
Число толчков, число своих гробов
И говорит: «Смотрите! Это – годы.
Вот счет годов – по надписям гробниц,
По памятникам, храмам, обелискам».

Для самого Бенедиктова в 1860 г. время / годы – это не «цифры», не «новости», а «дела и события», и самое главное, это сознание людей, готовых к переменам. Поэт находит замечательное определение для такого сознания – «открытое»:

Не полно ль годы цифрами считать
И не пора ль меж новостей, открытий
Открытому сознанию место дать,
Что мир созрел для дел и для событий?

Очевидно, что в самом Бенедиктове, в его натуре был немалый запас оптимизма и веры. Они ощутимо пробиваются сквозь раздражение, усталость, разочарованность. «*На 1861*» завершается новогодней молитвой «от всей России», в которой (молитве) слились хвалы, упования и пророчества. На единой гражданской основе в ней органично соединились чувства светские и религиозные. Едва ли не впервые после указов Петра I от 19 – 20 декабря 1699 года *поздравления с новым годом и новым веком* оказались вновь объединены и получили при этом глубокое символическое наполнение:

О, вознесись к творцу, хвалебный глас,
От всей России в упованье смелом,
Что новый год, быть может, и для нас
Означится великим, чудным делом!
О, если б только – в сторону мечи!
И если бы среди жизненного пира
Кровь не лилась! Господь нас научи
Творить дела путем любви и мира!
Воистину то был бы новый год,
И новый век, и юбилей наш новый
И весь людской возликовал бы род,

Объят всемирной церковью Христовой.

Но напрасно мы стали бы искать в советских изданиях Бенедиктова его стихотворение об отмене крепостного права, а ведь без него картина, нарисованная нами, была бы не полной и даже превратной. Ни Л.Я. Гинзбург, ни Б.В. Мельгунов – редакторы и составители сборников стихотворений Бенедиктова в серии «Библиотека поэта» – по вполне, в общем, понятным причинам не включили его в издания, соответственно, 1939 и 1983 г. По сути своей, завершающее исследуемый нами метатекст, стихотворение, под названием «Великое дело» вносит в портрет поэта-гражданина – Владимира Григорьевича Бенедиктова – заключительные штрихи. Религиозность, монархизм и при

этом безусловное принятие свободы как «милости», дарованной властителем «смиренному» народу, – такими предстают константы общественного сознания рядового русского литератора – современника Царя-Освободителя:

«Нет более рабства!» – Владыка сказал –
И царское слово пошло, загудело,
И там, где был раб – человек там встал <sic!>.
Великое слово! Великое дело!

Во храме Господнем, в виду алтаря,
При дыме кадил и молитвах народа,
Даримое людям устами Царя
Гремит благодатное слово: свобода! <...>
[10, т. 2, с. 222].

1. Мельгунов Б.В. Из поэтического наследия Бенедиктова // Русская литература. 1982. № 3. С. 164 – 172.
2. Петров А.В. Оды «на Новый год», или Открытие Времени. Становление художественного историзма в русской поэзии XVIII века: монография. Магнитогорск, МаГУ, 2005. 272 с.
3. Петров А.В. «На новый 1842-й год» А.В. Кольцова: опыт контекстного прочтения «последнего стихотворения» // Libri Magistri. 2018. Вып. 5. С. 48–59.
4. Абрамзон Т.Е., Петров А.В. Шуточные новогодние поздравления в русской поэзии первой половины XIX века // Гуманитарно-педагогические исследования. 2018. Т. 2. № 1. С. 69–80.
5. Петров А.В., Постникова Е.Г. Послания «на Новый год» поэта-духовидца С.С. Боброва // Известия Самарского научного центра РАН. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2018. Т. 20. № 1. С. 72 – 80.
6. Бенедиктов В.Г. Стихотворения. Л., Сов. писатель, 1983. 816 с.
7. Коровин В.И. Творчество В.Г. Бенедиктова в историко-литературном процессе 30–70-х годов XIX века // Вестник ТГУ. 2003. Вып. 4 (32). С. 97–100.
8. Кормишина Н.Н. Поэтика В.Г.Бенедиктова: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2009. 22 с.: <https://lib.nspu.ru/views/library/393/read.php>
9. Маслова А.Г. Поэтика времени и пространства в русской поэзии 1760 – 1780-х годов. Екатеринбург, Изд-во Урал. ун-та, 2013. 212 с.
10. Сочинения В.Г. Бенедиктова: С биограф. и портр. авт. Т. 1–2. СПб.; М., Т-во М.О. Вольф, 1902.

THE POET – THE PROPHET AND THE CITIZEN: NEW YEAR'S VERSES OF V.G. BENEDIKTOV

© 2019 A.V. Petrov, K.N. Savelyev, V.V. Tsurkan

Aleksey V. Petrov, Doctor of Philology of the Department of Language and Study of Literature.

E-mail: alexpetrov72@mail.ru

Konstantin N. Savelyev, Doctor of Philology of the Department of Language and Study of Literature.

E-mail: savakos@mail.ru

Veronika V. Tsurkan, senior lecturer of the Department of Language and Study of Literature

E-mail: veravts2013@yandex.ru

Nosov Magnitogorsk State Technical University. Magnitogorsk, Russia

In the article the poetics and ideological contents of four New Year's (eonic) poems written at the end of the 1850th by V.G. Benediktov is considered. In the second half of the 1830th he drew attention with courageous stylistic experiments, however at the beginning of the 1840th, after critical statements of V.G. Belinsky, lost popularity and was forgotten. During the Crimean war and the eve of Emancipation Benediktov was before the reader in new (and still not studied in literary criticism) shape – the poet-citizen and the author of religious poems. As one of genre forms for expression of civil and religious feelings the form of New Year's verses, at that time already rather archaic for the Russian poetry was chosen by the poet. Considered as the spokesman of "vulgar romanticism", Benediktov appeared in these verses the citizen and the patriot, sincerely, deeply and somehow very personally interested in emancipation of the

people and in the movement of the country on the way of progress. Not ostentatious, but alien fanaticism religiousness; educational ideals; monarchism – there are constants of public consciousness of the ordinary Russian writer. In a sense Benediktov acts as "chronicler" of moods of the Russian educated society in a transition period of the 1856 – 1860th, consistently acting on behalf of generalized "we". In the first part of a cycle ("On the New 1857th"), clearly agitational, the poet draws a situation of "thaw" and consistently, to be exact, "superfluous", in a stylistic manner peculiar to him, describes a mythological archetype of fight of Light against Darkness. The second poem ("Hi to Old 1858th"), printed with acceptable distortions, contains a New Year's prayer for "Person" in which image lines of Christ and the emperor Alexander II are integrated. The third part ("For the New 1859th year") represents a New Year's psalm. The choice of this genre with which in the 1700th the Russian eonic poetry began, was dictated, apparently, by problems of spiritual association of "believers" (in Emancipation) and findings of personal internal forces. The philosophical New Year's elegy "On 1861th" concludes a cycle. "Time philosophy" and utopian expectations of the poet was reflected in it. Some kind of "cauda" in "the New Year's metatext" is "the poem on a case" "Great action" in which Benediktov welcomes the Tsar-Emancipator and the people submissively accepting the favor granted to it – freedom.

Keywords: V.G. Benediktov, the New Year (eonic) verses, civic poetry, psalm genre, historical poetics, metatext

1. Mel'gunov B.V. Iz poehticheskogo naslediya Benediktova (From Benediktov's poetic heritage). *Russkaya literatura*. 1982. № 3. S. 164–172.
2. Petrov A.V. Ody «na Novyj god», ili Otkrytie Vremeni. Stanovlenie hudozhestvennogo istorizma v russkoj poehzii XVIII veka (The New Year Odes, or the Discovery of Time. Formation of art historicism in the Russian poetry of the XVIII century): Monografiya. Magnitogorsk, MaGU, 2005. 272 s.
3. Petrov A.V. «Na novyj 1842-j god» A.V. Kol'cova: opyt kontekstnogo prochteniya «poslednego stihotvoreniya» (A.V. Koltsov's "For the New 1842th": experience of contextual reading of "The last poem"). *Libri Magistri*. 2018. Vyp. 5. S. 48–59.
4. Abramzon T.E., Petrov A.V. Shutochnye novogodnie pozdravleniya v russkoj poehzii pervoj poloviny XIX veka (Comic New Year's congratulations in the Russian poetry of the first half of the XIX century). *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya*. 2018. T. 2. № 1. S. 69–80.
5. Petrov A.V., Postnikova E.G. Poslaniya «na Novyj god» poehta-duhovidca S.S. Bobrova (Poet-visionist S.S. Bobrov and his letters on the New year). *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN. Social'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki*. 2018. T. 20. № 1. S. 72–80.
6. Benediktov V.G. Stihotvoreniya (Poems). L., Sov. pisatel', 1983. 816 s.
7. Korovin V.I. Tvorchestvo V.G. Benediktova v istoriko-literaturnom processe 30–70-h godov XIX veka (V.G. Benediktov's creativity in historical and literary process of the 30-70th years of the XIX century). *Vestnik TGU*. 2003. Vyp. 4 (32). S. 97–100.
8. Kormishina N.N. Poehtika V.G. Benediktova (V.G. Benediktov's poetics): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Novosibirsk, 2009. 22 s.: <https://lib.nspu.ru/views/library/393/read.php>
9. Maslova A.G. Poehtika vremeni i prostranstva v russkoj poehzii 1760–1780-h godov (Poetics of Time and Space in the Russian poetry of the 1760-1780th). Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 2013. 212 s.
10. Sochineniya V.G. Benediktova (V.G. Benediktov's Writings): S biogr. i portr. avt. T. 1–2. SPb.; M., T-vo M.O. Vol'f, 1902.